

Александр Толстиков
Андрей Ваганов

ОЙКУМЕНА 2.0

Александр Толстиков
Андрей Ваганов

ОЙКУМЕНА 2.0

Художественное издание

АЛЕКСАНДР ТОЛСТИКОВ

АНДРЕЙ ВАГАНОВ

ОЙКУМЕНА 2.0

Москва, 2024 – 52 с.

Идея проекта: А.Г. Толстиков. А.Г. Ваганов

Дизайн и компьютерная верстка: И.С. Лобов

Композиции «Ойкумена» и «Ирис. Royal Copenhagen» (из цикла «Флор-элегия») выполнены в соавторстве с Н.Р. Шушанян.

В оформлении первой обложки использована работа А.Г. Толстикова «Фазовый переход».

«Ойкумена 2.0». Почему такое название? Это очень просто. В издание вошли стихотворения московского поэта и научного журналиста Андрея Ваганова и живописные работы московского художника и химика Александра Толстикова... Два, вроде бы принципиально разных способа восприятия окружающей действительности – риторический и визуальный, две ойкумены, неожиданно пересеклись. И дополнили одна другую. Взаимное контекстуальное давление порождает стереоскопический эффект – «Ойкумена 2.0».

Место вступления, или Маленькое эссе о поэзии

Это, действительно, остается сладко мерцающей загадкой: почему достаточно осязаемая часть человеческой популяции пытается рифмовать/ритмовать? В обиходе это занятие часто называют – «сочинять стихи». Не менее удивительно, что, пожалуй, даже чуть бóльшая часть человеческой популяции любит читать стихи, придумав этому роду порядка слов специальное название – поэзия. Эти два множества, складывающих в рифму и читающих таким образом полученные тексты, серьезно перекрываются.

Одно время, стараясь расколдовать закон этого пересечения, я даже начал коллекционировать попадавшиеся в книжках определения поэзии... Длилось это, правда, недолго. Потому как, ответ был найден (или, лучше, - нашёл меня) на удивление скоро: «Пишут поэзию не оттого, что хотят рассказать какую-то историю или выразить идею, а оттого, что хотят услышать определенные звуки, слова, комбинации» (И. Бродский, интервью журналу Insight, 25 мая 1987 года).

Мне очень нравится это определение, оно – физично, фактурно, тактильно и проч., и проч.

Кстати, думаю, что и в живописи происходит нечто похожее. Несомненно, художник пишет картины, имея в виду «рассказать историю». Но оптическая игра линий, цвета и света, в итоге, становится самодостаточной структурой. Визуальное побеждает семантику...

В общем, на этом следовало бы поставить точку. Но не удержусь, чтобы не добавить свои пять копеек в решение этой мета/мат/физической задачки – зачем люди пишут и читают стихи. Моя гипотеза состоит в следующем.

Любой человек, более или менее регулярно и достаточно долго пишущий в рифму, породит гениальную (или близкую к гениальности) строчку. Это, просто, термодинамически неизбежно. Работает закон больших чисел.

Ну, хорошо, это – зачем пишут стихи. А зачем читают-то?

«Известно, что правое полушарие <головного мозга> подвержено слуховому принуждению куда больше левого. Стало быть, если обыкновенная безразмерная проза доходит до нас в режиме «моно» и затрагивает главным образом левое полушарие, то размерный язык стиха доходит в режиме «стерео» и раскрывает одновременно как словесные запасы левого полушария, так и ритмические возможности правого» (Ф. Тернер, Э. Пёппель, «Поэзия, мозг и время», 1988 г.). Проще говоря: поэзия (стихотворная форма) – чуть ли не единственный объект во Вселенной, на который одновременно откликаются оба полушария нашего мозга.

И от этого – кайф!..

Андрей Ваганов

АБОРИГЕН

Типичный житель срединных областей материка,
(испытывающих часто взгляд на дальность
и редко – точность, производимого на них броска),
стремясь, хоть как-то к данной местности модальность

определить свою, что называется – даётся диву.
Пристроив козырьком ладонь, он ограничивает глаз
в его общении с обратной перспективой,
используя линейку горизонта как компас.

Всей суммы знаний известных об этой стране
ему хватает – и то не всегда – ровно наполовину:
на то, чтоб сдвинуться с мертвой точки. И не
хватает, на то, чтоб до конца просчитать картину

своего пребывания в этом пространстве. Примат
полуплоскости от горизонта над полусферой,
холода над теплом, лимонно-серого цвета над
оранжево-голубым. Пространство, как сперму,

выталкивает из себя гомо сапиенс. Такая,
в виду бескрайней полости пологого рельефа,
гипертрофия функции зрения заведомо потакает
обращению к вере. Не отрицая, впрочем, роль блефа.

Сам факт твоего пребывания здесь – уникален:
пространство делает всё, чтобы твой след в нём простыл;
чему, несомненно, способствует резко континентальный
климат. Но ты их обоих, пространство и климат, простил.

Эллины не различали понятий «видеть» и «знать».
Отсюда – лабораторная чистота их стиля
жизни, о котором тебе можно только мечтать,
спасаясь от сквозняков в пыльных складках текстиля.

Протоплазма здесь приобретает свойства предмета
из камня или тяжёлого металла, например, латуни.
Плюнув три раза через левое плечо, - местная примета, -
ты начинаешь движение, вне подозрений, что в чем-то схалтурил.

Глубинка
2024. Картон, акрил, ассамбляж. 67 x 40

АХИЛЛ

Ахилл не догоняет... Черепаха,
отнюдь не прилагая сверхусилий,
уткнувшись носом в землю, что твой пахарь,
символизирует собой триумф рептилий.

Ахилла жаль, ведь он совсем не хил,
но он не знает флюксий по касательной.
Ещё чуть-чуть – и он порвёт себе ахилл
от перенапряженья. Показательно,

что в этом словоблуд Зенон виновен:
«Движенья нет» – вся суть его апорий.
Сегодня этот парадокс не внове,
а в Древней Греции – ну кто б его оспорил?

Ахилла жаль, он выбился из сил.
Но дело, строго говоря, не в том,
кто эту кашу с черепахой заварил,
поскольку расхлебал её Невтон.

Ахилла жаль. Хоть он и полубог,
и в Греции найти нам будет сложно
такую пару быстроходных ног
с таким рельефом мышцы икроножной, -

ахейцы обожали физкультуру,
но не додумались ещё до производных, -
и вот, со всей своей мускулатурой,
Ахилл проигрывает в гонке с земноводным.

Ахилла жаль – он не силён в пределах.
(Понятно: здесь опять Зеноном пахнет.)
Но, даже крылья за спину приделав,
Ахилл не догоняет. Черепаха

вползает в бесконечность неуклюже,
перетирая время и пространство
беззубым ртом, и брюхом их утюжа.
И через этот мёрзлый не прорваться.

И я себе кажусь таким Ахиллом.
В тягучих снах, нарезанных ломтями,
на миллиметр сдвинуться не в силах,
я всё же бешено работаю локтями.

Движенья нет. И воздух на исходе.
Ахилл не догоняет черепаху.
Стрела не долетает. Путь свободен...
Ах, как некстати – растяжение паха.

Ветка

2024. Плита OSB-3, акрил, ассамбляж. 62,5 х 62,5

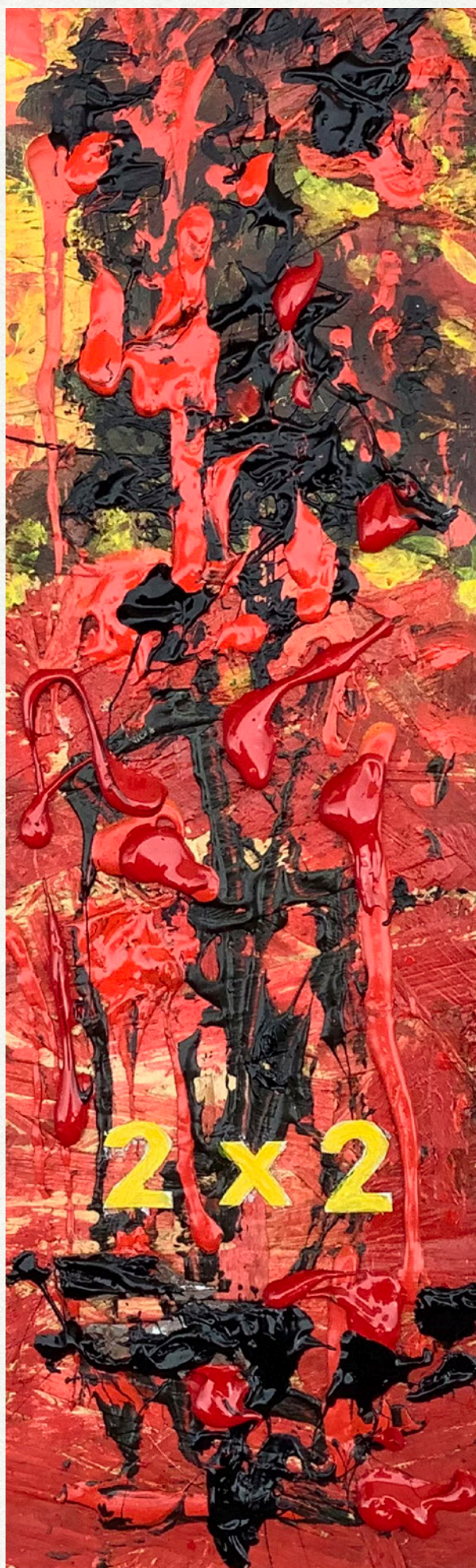
АЛЕКСАНДРУ ТОЛСТИКОВУ

Лето, лето! Ну, держись,
лето, маленькая жизнь...

.....

Наслаждаюсь солнышком,
пивом марки «лагер»
плюс – свиные рёбрышки,
рокнрольный шлягер:
импульсивный Меркьюри,
эпичный Элтон Джон...

Пиво пью, кумекаю –
умиротворён)

Квинтэссенция
2024. Плита OSB-3, акрил, ассамбляж. 45 x 15

ПРЕОДОЛЕВАЯ НЬЮТОНА

Мир тесен, как полуподвал,
пропахший кошками и прелой
картошкой; как автовокзал;
как правый туфель снятый с левой
ноги. Мир тесен более чем мне
уже приснилось. В самом деле:
две пули могут на войне
столкнуться, не достигнув цели.
Столкнуться могут: корабли
в открытом море, в океане;
нейтрино с недрами Земли...
И только нас никто не станет –
ни по касательной, никак –
сводить. (С ума – и то проблема!)
Мир тесен, как чумной барак.
Мир тесен – вот Вам теорема,
сэр Ньютон. Пленница небес,
комета Эдмунда Галлея,
конечно же, вернётся, без-
условно массы тяготеют –
ты прав утрюмый англичанин.
В который убеждаюсь раз:
Мир строг, логичен – тем печален...
Мир тесен, но не в отношение нас.

Горячая точка
1988. Холст, масло. 85 х 80

Ветвление известняка,
самоподобие как способ
длиться сквозь
акупунктуру комариной стаи...
Век оккупантов и аквалангистов –
всё впереди ещё!
Пока же –
остаться верным натрию и хлору,
и слой за слоем видеть сны –
симптомы синапсов и синусоид
мотать на ус,
чтоб превратиться
в выдох тропосферы,
в аллюзию озона,
в скорлупу
корпускул. Скрупулёзно
всё пережить и не сойти с ума,
фиксируя сизифов
труд
кромешной
перистальтики ночи.
Пусть дальше – живопись шлифует
истлевший шифр шизофрений
долины фараонов
с её, пускай формальной,
но всё же логикою лобной доли.

Виток прошедшего
1997. Холст, масло. 80 х 80

* * *

Вот он, припев судьбы,
о котором можно мечтать:
стареть у Большой Воды
и потихоньку клясть
совсем молодое вино;
смотреть на мир с высоты
не положения, но
точки горной гряды.

Аптека, зиндан, чайхана
(пиво – риал за кварту!)
Саид – читай: Сатана! –
партнёр по игре в нарды.
Время впадает здесь
в зависимость от пейзажа
и матереет: взвесь,
некий коллоид даже.

Тихий, пустой городок,
собственность (в равных долях)
солнца и пыли. Бог
знает что в этих краях
ласкает память и взор,
чему и названия нет –
весь этот сущий вздор
на склоне горы и лет...

Атмосфера I
2024. Плита OSB-3, акрил. 40 x 12

* * *

Время придёт и нас покроет своею славою,
во всяком случае – пеплом, вулканической лавою.
Может быть по расчёту, скорее всего – сдуру,
Время придёт и нас впишет в архитектуру
будь то: лагуна, площадь, колонна, крылатый лев, -
который небо щекочет, - архитрав, барельеф...
Или, возьмём ближе, бревенчатый пятистенок:
Время придёт и вылижет память о нас постепенно
до состояния струганной половицы в избе...
Время идёт из пункта «А» в несуществующий «Б»,
вне всякой морали, не лишено эстетики,
прирастая нулями и проставляя крестики.
Отсюда – это поветрие, если так можно сказать:
мало кто хочет бессмертия, всего лишь – не умирать.
Я-то знаю своё – не говори, что жесток! –
место, как тот сверчок, посаженный на шесток.
С точки зренья жука, мир непростительно прост:
Время придёт – на нас выльет свой купорос,
стерилизует от вездесущей органики
Пространства сквозной пролёт. Нас сделает крайними –
только набором букв, вне всякой семантики.
«Что это?» - спросит внук, но вряд ли правнучка с бантиком.
Впрочем, и это пройдёт. Вот тебе мой сказ:
Время возьмёт своё, и не пропустит нас.

Атмосфера II
2024. Плита OSB-3, акрил. 45 x 12

* * *

Вот откуда эта дурацкая дрожь в коленках:
как будто ты молод и у тебя – встреча с министром...
А на самом деле – ты давно уже калека,
если не головою, то точно мениском.

И задача перед тобою одна – точечная:
несмотря ни на что постараться выжить,
не испортив при этом кору надпочечников.
А потом – исчезнуть. Навострить лыжи

туда, где скифы делают такое пойло,
что валит с ног кентавров и циклопов.
Как в тогу завернувшись в белый войлок,
я стал бы наблюдать закат Европы,

штрих-коды волн в морях Гипербореи,
Сансары колесо и горизонта линию.
Собравшись с духом и слегка робея,
я слал бы письма старшему из Плиниев.

Короче, вёл бы жизнь легионера
дожившего до пенсии. Для виду
коз разводил или ещё, к примеру,
с оказией махнул бы в Атлантиду –

погреть бока на океанских пляжах,
послушать трёп о скорой катастрофе,
и, улыбаясь про себя, – «Какая лажа!» –
прихлёбывать вкуснейший крепкий кофе.

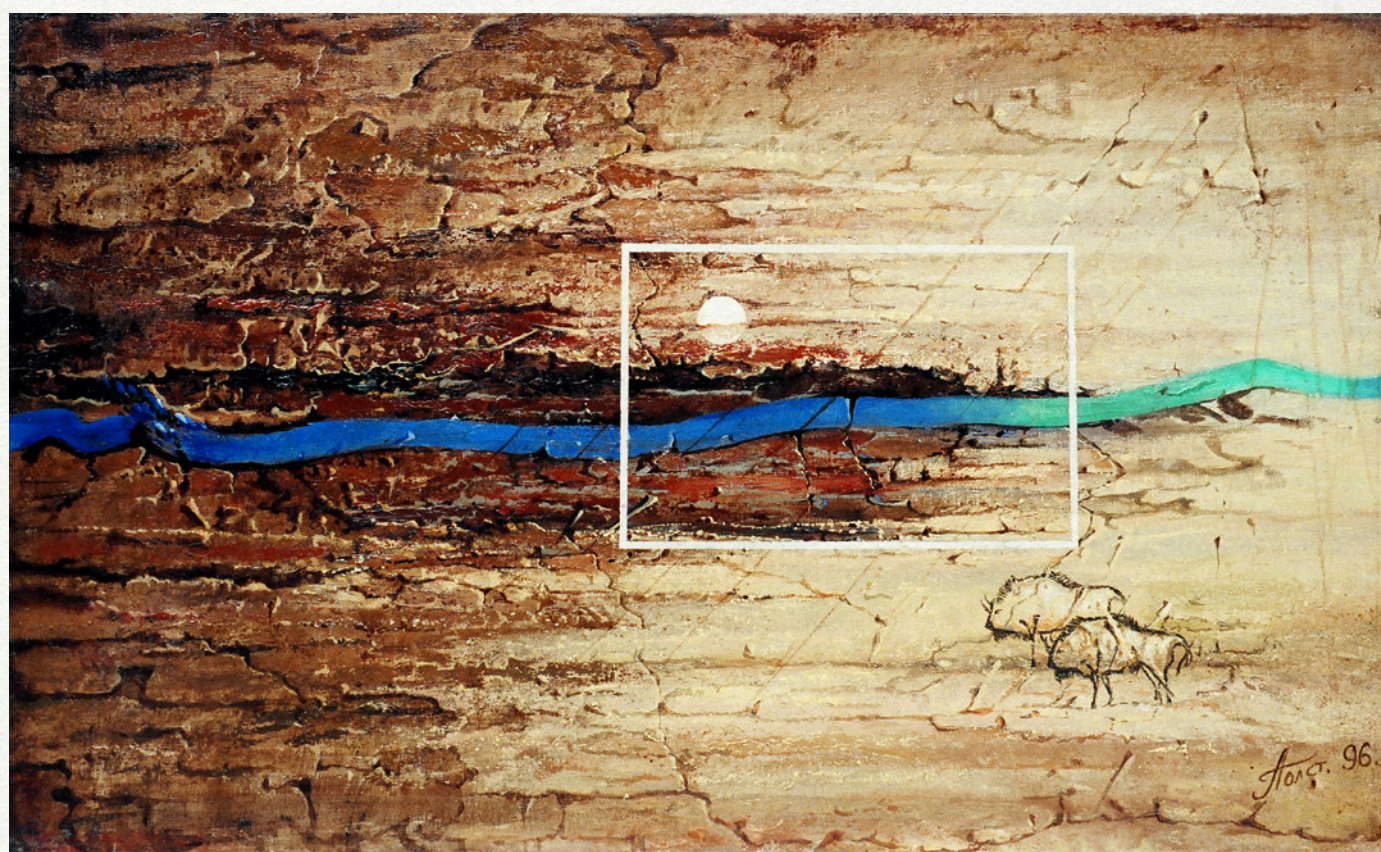
А то – придумал что-нибудь повеселее,
чем роль гиперборейского скитальца.
Подался бы в наёмники. И в Пиренеях
в грудь получил копье неандертальца.

Однако выжил бы благодаря Хирону,
его примочкам, мазям, эликсирам
настоянным на травах, пусть и хреновым,
но всё ещё достаточным витальным силам.

«Твой пульс, кардиограмма – хороши.
Но дело, всё равно, идёт к полтиннику.
Хочешь прожить ещё полстолька? – Не грехи,
и на учёт встань в местной поликлинике.

Глядишь, десяток лет таким макарон
сумеешь скоротать в гиперборейских фьордах.
А там – и Мраморное море превратится в мрамор,
то есть, изменит фазу: с жидкого на твёрдое», -

так молвил мне изобретатель лиры.
Жизнь – это способ с помощью эстетики
забыть о геологии... Прав сын Филиры:
что от нас остаётся в итоге? – Точка эвтектики.

Ностальгический ландшафт
1996. Холст, масло. 50 х 90

ИРИНЕ

Когда б мы жили в Древнем Риме
или в Элладе –
сестерции, геттеры, Плиний,
имплювий, blyady,
патриции, клепсидры, плебс,
вонь гекатомбы,
рабы, евреи, синь небес
и воздух томный –
мы б наслаждались в чистом виде
игрой гормона.
Об этом хорошо Овидий
сказал. Горгона
нас доводила бы до слёз,
вгоняла в ступор:
бедняжку грыз фурункулёз –
весь череп в струпьях...

Но мы живём не в Древнем Риме
и не в Элладе:
клепсидры где? где шелест пиний?
Империя где, ради
которой можно в Лету пасть
от рук вестгота!?
И всё-таки я рад, что власть
Судьбы, ещё кого-то,
кто вместе с ней блюдёт простор,
сплели орнамент,
в котором есть и наш узор.
Однако, там нет
даже намёка на итог.
Спасибо, Клото*!
Переговоры с ней и торг
напрасны. Квоты

Судьбою выбраны давно.
Оно и легче.
Пускай, пространство ранит, но...
Но время – лечит.
Его лекарство – панацея
(пусть привкус кислый,
мы пьём его и цепенеет), –
меняет смыслы.
Моя эклога затянулась,
как песнь акына.
Наверное, ты улыбнулась...
Прости, Ирина,
за медь в строках, как в старом гимне,
хоть бога ради...
Когда б мы жили в Древнем Риме
Или в Элладе...

* Клото – древнегреческая богиня, плетёт ткань человеческой судьбы.

Розы для Караваджо. Версия II (из цикла «Флор-элегия»)
2024. Картон, акрил, ассамбляж. 60 x 50

* * *

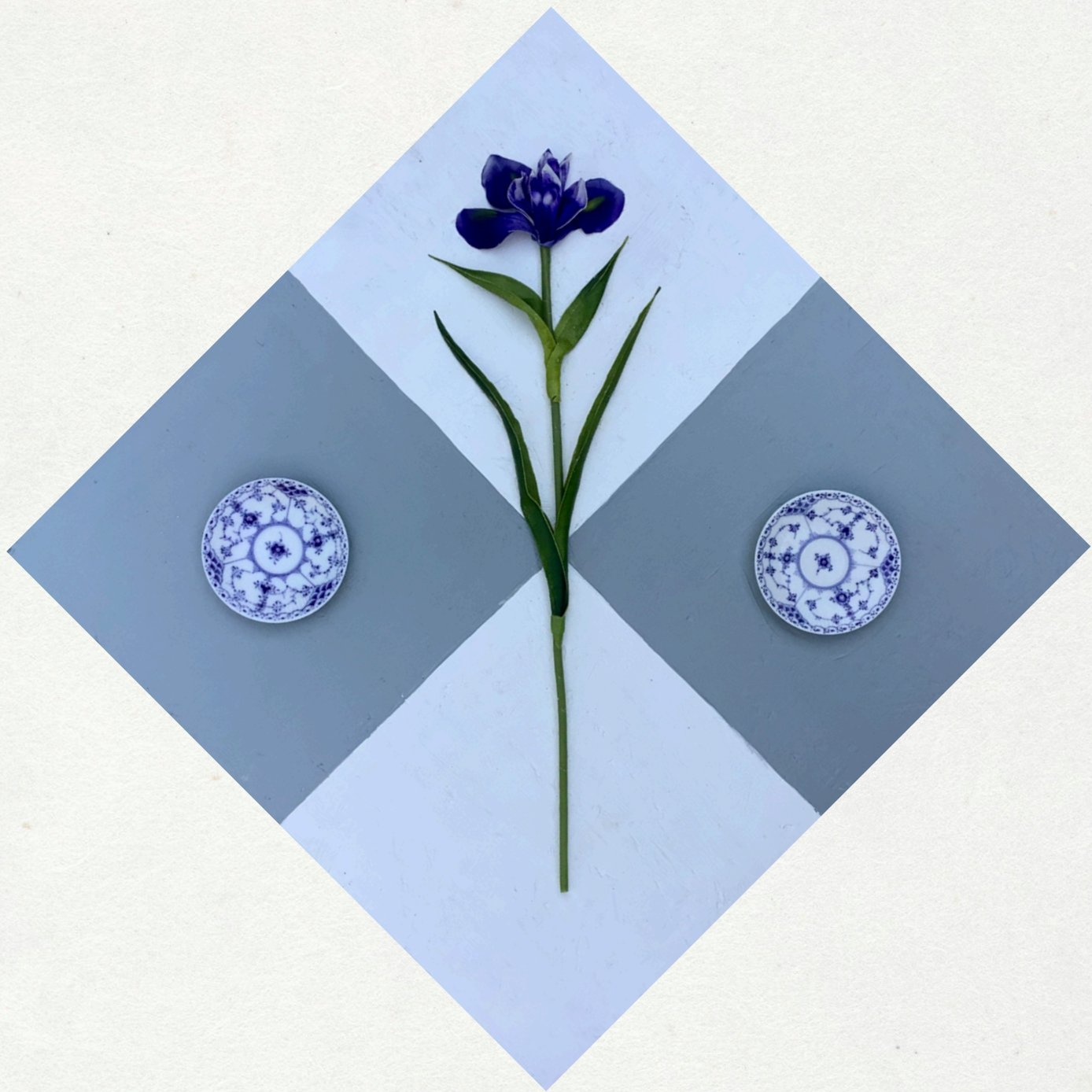
Они были молоды и красивы.
От них несло жизнью, как от бомжа псиной.
Это про них, мол, «...в самом соку»;
«седина в голову – бес в боку»...
Только, знаешь, рвётся там, где тонко;
и не бес это вовсе – селезёнка.
Да и то сказать: как ни льсти себе,
седина уже уступает лысине.
Хочется тебе или не хочется,
но всё чаще – по имени-отчеству
величают. И, ты знаешь, признаемся:
это всё больше и больше нравится.
Если волос, как с ушанки, полез:
что шампунь, что бальзам – всё бес-
полезно. Зато кишка
ни для водки, тем более – для стишка,
не тонка. Строго наоборот.
Вот и радуется большому куску рот!
Гвоздь не знает, что он ржавеет,
поэтому он ни о чём не жалеет,
даже когда получает по шляпке.
Рифмы мои, возможно, пошлят и
им не хватает немного перца.
Зато это идёт от сердца.

Камень и цветок (из цикла «Флор-элегия»)
2024. Плита OSB-3, акрил, ассамбляж. 62 х 60

* * *

Сыт и немного пьян,
сам себе бог (в смысле – Пан).
Выпал первый снежок,
топчет его сапжок.
Жизнь хороша и уютна,
как капитана каюта,
если не брать в расчёт,
что всё в этой жизни течёт:
время, вода из краника,
сны пассажиров «Титаника»...

Ирис. Royal Copenhagen (из цикла «Флор-элегия»)
2024. Плита OSB-3, акрил, ассамбляж. 62,5 х 62,5

* * *

Я строю дом, ну, в смысле, дачу.
К чему бы это? Не иначе –
судьба ко мне благоволит,
ведь я пока не инвалид
на полном соцобеспеченье.
Я утром кофе пью, печенье
съедаю или круассан.
Всё это делаю я сам.
Я чищу зубы, потом бреюсь,
сажусь в метро, и к бабам клеюсь –
во мне поёт ещё фермент.
Порою, добрый дядя-мент
мне отдаёт – не долг, но честь:
«Вы, гражданин, в таком, бог весть,
каком идёте пьяном виде...».
Он прав: я пьян. И не в обиде
на заявление мента,
поскольку это – тра-та-та.
И он, и я – мы пыль под Солнцем:
мы распадается, как стронций
(из второй группы элемент).
О чём не знает дядя-мент:
далёк от философских истин,
естествознанья ненавистник...
Цепочка ж этого распада
зовётся жизнью. Клоунада
отрезков времени летит.
Что наша жизнь?! Увы, петит.
И, может, даже нонпарель.
Художник пишет акварель,
писатель делает заметки,
курильщик дым пускает едкий,
собака лает, ветер носит,
хотя меня никто не просит –
я всё царапаю стишки,
микроб внедряется в кишки...
Что моя жизнь ему – малина
с добавкой крови славянина!

Божья коровка (из цикла «Флор-элегия»)
2024. Плита OSB-3, акрил, ассамбляж. 62,5 х 62,5

* * *

Девочку звали Оля,
дело было в Одессе,
вернее, рядом, где море, -
как поётся в той песне, -
«самое синее в мире».
Что, конечно, неправда:
в радиусе морской мили –
туда-сюда ещё, как бы.

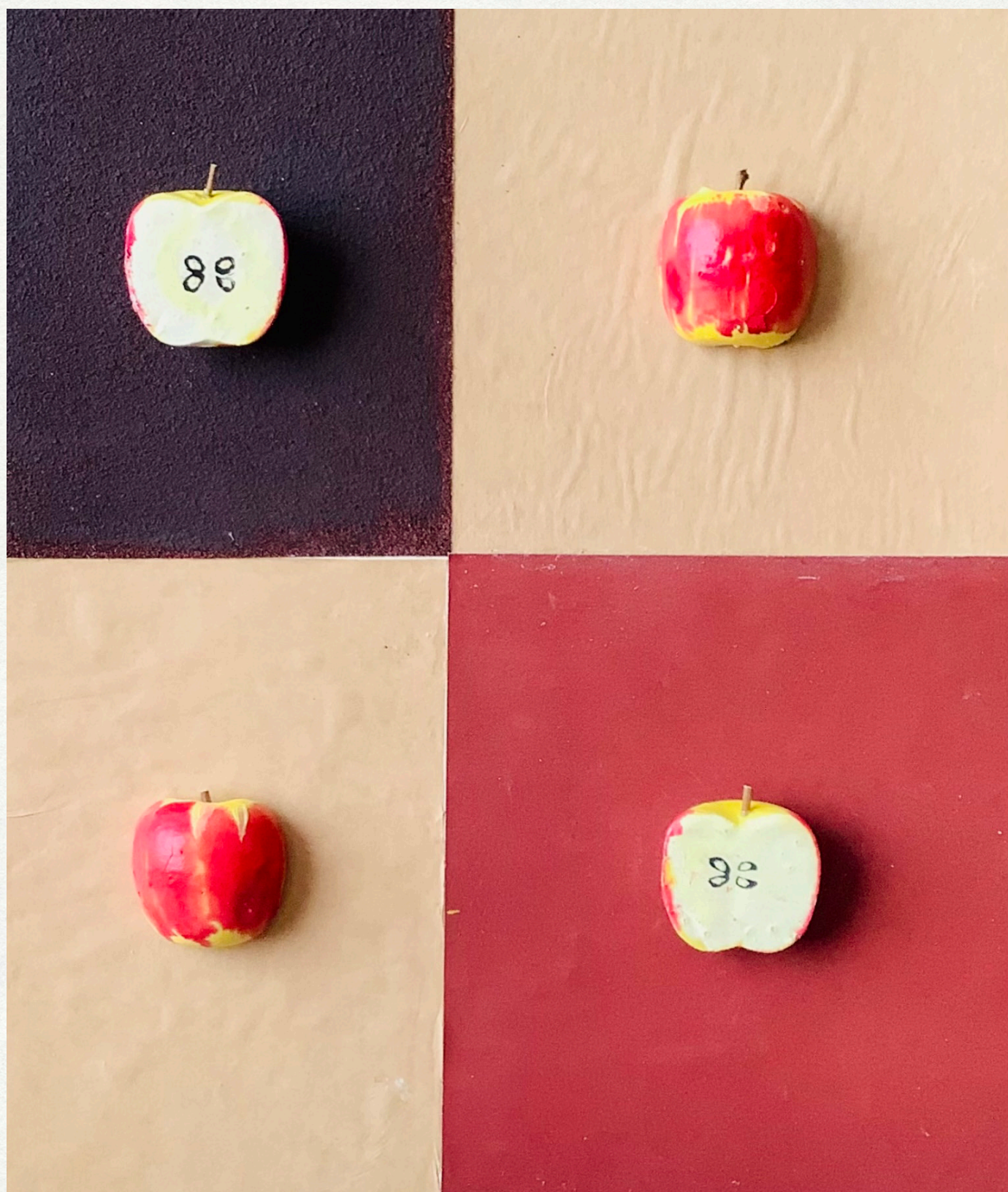
В общем, тогда я влюбился,
возможно, что в первый раз.
Олечку в голову вбил себе,
профиль её, анфас.
Был и соперник, Игорь –
шпана, местный Кинг-Конг...
Манка на завтрак. Из игр,
кажется, только пинг-понг.

Дело шло к рукопашной,
но до неё не дошло.
Он опытной был в шашнях,
и это сгубило его...
Девочку звали Оля,
дело было в Одессе –
«у самого синего моря»...
Но это другая песня.

P.S.

(Другая песня)

Девочку звали Оля.
(Заметьте, не Галя, не Света!)
Буквально: на всё Его воля,
но Он ни за что не в ответе.
Имя твоё, «Оля» –
как шорох вчерашней прессы,
забытой в песке у моря...
В прошлой жизни. В Одессе...

Анатомия рая
2024. Картон, ассамбляж. 40 x 30

ЗИНЕ

Так много рифм приходится на «Зине»,
что можно заподозрить тайный смысл. Как то,
почти народное: «Мы вымоем в бензине...».
(См. подробнее у Агнии Барто.)

Я знал одну, тебя, не рифму – Зину.
Как сообщает дамский magazine:
по данным городского ЗАГСа, в эту зиму,
и двадцать предыдущих зим,

новорожденных девочек не называли «Зина».
В ходу библейское – Мария; Юли, Анны
и проч. античность прёт, без вазелина!
Зин – ни одной. Что странно.

Мне повезло, я знал одну из Зин –
тебя. Теперь тебя не стало.
Ты умерла. И ноет муэдзин,
и поп бубнит молитву. Так совпало,

я знал тебя, последнюю из Зин,
по крайней мере, в моей частной жизни.
Теперь всё ясно: это мне звоночек – «Дзинь!»
И не поможет – «солнце, ярче брызни!»

В хитоне, а, по-нашему, в халате,
Кронид Зевес, - положим, кто не помнит, -
всех олимпийских девок обрюхатил,
и многих – в извращённой форме.

Дочь Зевса – Зене Ида, Зинаида,
прости за фамильярность: Зин, да Зин...
Теперь ты к дядьке своему, к Аиду,
уходишь. Ушла уже. Как из бутылки Джин

ты ускользнула; вряд ли на свободу.
Свобода – это то, что мы зевнули.
Ну, в общем, ты ушла. И эту оду
теперь вдогонку за тобою шлю, Зинуля.

Обиды мёртвых мучают живых –
так память поставляет в мозг токсины,
чтоб он от некоторых звуков не отвык
пока хватает сил у Мнемозины.

Пока в запасе время и пространство, -
союз, помешанный на казеине! -
мозг постоянно повторяет эти стансы,
шлифуя рифмы к «Зина», «Зину», «Зине».

Ты умерла. И в мире меньше Зиной.
Но этот мир пытит, как заводной,
производя жиры, белки, энзимы
на душу населенья... Зин – ни одной.

Метаболизм

2024. Холст на картоне, акрил, ассамбляж. 80 x 60

* * *

Компас, бедекер –
и нет вопросов:
квитанции, чеки,
лояльный спонсор...

«Семь – я не нов! –
к одному – шансы», -
думал Семёнов,
ещё не Тянь-Шанский.

Бедекер, компас...
Один, пешком –
в Альпы, в торосы,
налегке, с вещмешком.

Ужас, как дротик,
по сердцу – вжик!
Горы – наркотик...
На что был мужик

не из пугливых –
порода, знакомства –
историк Тит Ливий,
и тот потомству

оставил строчки:
как при виде Альп
от ужаса в точку
морщинулся скальп.

Компас, бедекер,
адреналин (плётка!),
ледяной крекер
крошит подмётка;

звёздные треки,
флора, фауна,
Сен-Готард – репер...
«Ах, как славно,

Карл! Danke shcön.
Не забуду вовеки
альпийский склон,
и твой бедекер

в помощь, с примерами,
в кармане правом, –
Космос размерами
in octavo.

Определённо!»
.....
географ и проч.,
думал Семёнов
Пётр Петрович.

Ойкумена

2024. Холст на картоне, акрил, ассамбляж. 60 x 70

* * *

Кончай дурака валять!
Вставай, глину месить –
ты, как-никак, варяг,
ты здесь затем, чтобы жить.

Нам что пустыни, что реки...
Зане наш брат всюду дошлый.
Это мы движемся в греки,
это греки увязли в прошлом,

как оса в желтке янтаря.
Это мы прём напролом,
это нам снега генваря –
что песок на пляже морском.

Это нам всё едино: что круча,
что воды по колено в болоте...
Хватит ныть, слышишь, потрох сучий!..
На душе без того блевотно.

Хватит нести пургу!
(И что я к тебе прилип...)
Вставай, я тебе помогу.
Вставай, скоро прилив.

Нам ли алкать отваги,
почестей липкую взвесь...
Мы ведь с тобой – варяги:
комфорт не про нашу честь.

Лобною костью – воздух,
грудью – волну дробя...
кольчуга, панцирь и кожух
сгодятся тебе в друзья,

спасут от стрелы и кистеня,
когда не видно ни зги;
а в братине тёмная истина –
от гриппа, ОРВИ и цинги.

И ночь уже в утро клонит,
и где-то пропел петух...
Весь мир у нас на ладони,
и собран в кулак дух.

Европа, Гиперборея,
Азия, Танаис,
Персия, Иудея
нас с тобой заждались.

Кончай дурака валять!
Хватит дуру лепить!
Парус крепи, варяг,
нам ещё жить и плыть...

Цитадель

2024. Холст на картоне, акрил, ассамбляж. 60 x 50

* * *

На губах – соль Адриатики,
на плечах – загар, как у негра:
результат простой пляжной тактики
у подножия Монтенегро.

Человек превращается в рыбу.
Эволюция путает жанры
вопреки Чарлзу Дарвину. Ибо,
в человеке спрятаны жабры.

Растворяясь в морском рассоле, -
безобидная терапия, -
человек превращается в море,
увеличивая энтропию.

Фазовый переход
2024. Холст на картоне, акрил, ассамбляж. 60 x 50

РАВНИНА

Заснеженная страна,
равнина в складках до дыр.
Каждый получит сполна,
если не получил.

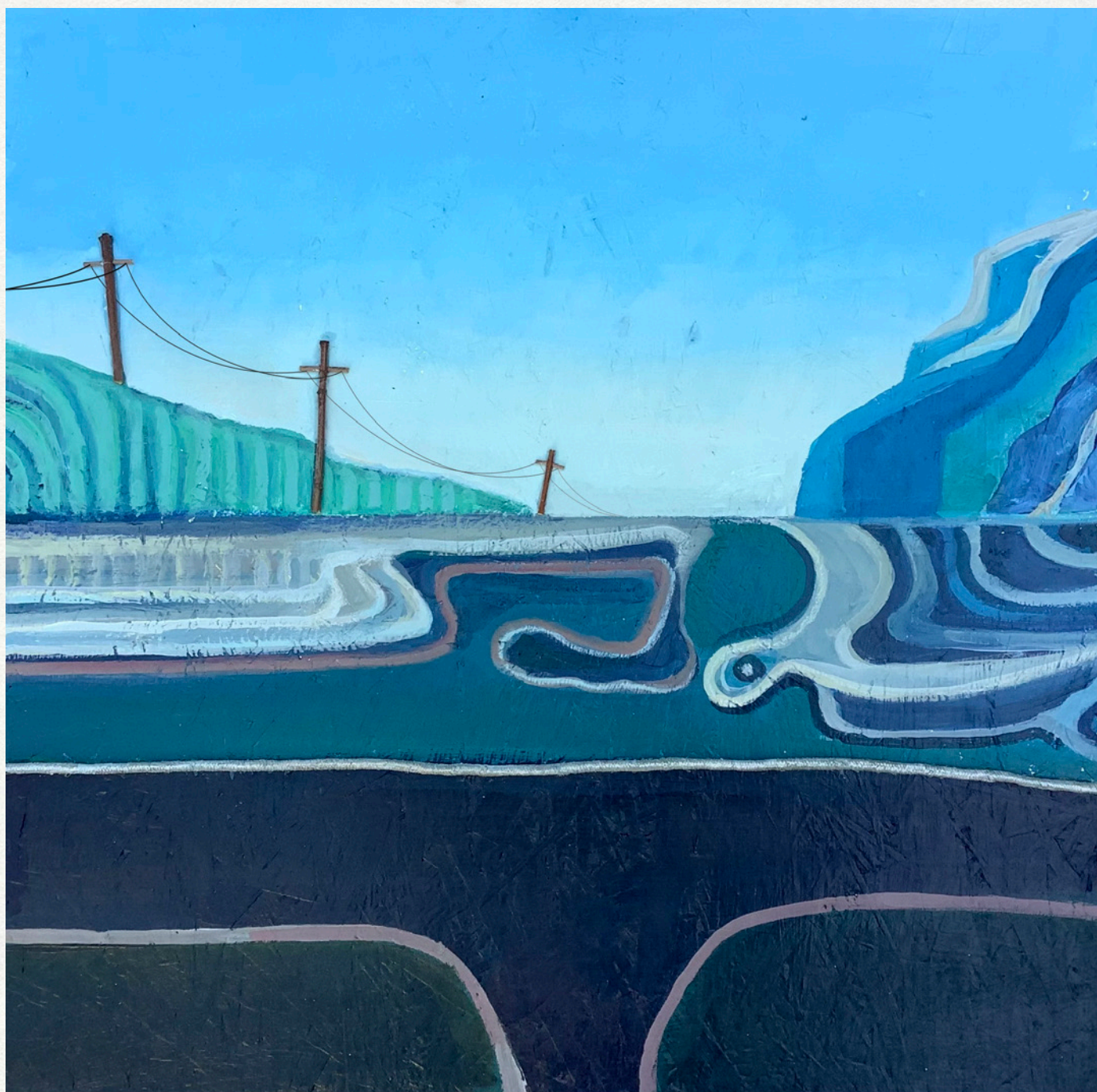
Чего еще можно желать!
Только чуть-чуть жалеть, –
поэтому и желвак
сминает щеки желе, –

что вещество ночи
так тяжело и взгляд
не возвращает. Впрочем,
и в этом имеется ряд

существенных преимуществ.
Движенью зрачка по
черте горизонта присуще,
скорей, выделять тепло,

нежели форму. При этом,
надо иметь в виду,
что форма любого предмета –
складки пространства. И тут,

уже ничего не поделать.
Равнинное свойство – покой,
расчерченный чёрным по белому
неторопливой рекой.

Аппиева дорога
2024. Плита OSB-3, акрил, ассамбляж. 62,5 х 62,5

* * *

Памяти поры заполни
пылью прошедшего времени.
Расположи в книжных полках,
в скользких слоях кремния
запахи, образы, звуки,
точки пересечения,
сны или даже – глюки,
тактильные ощущения...
Всё, что сочтёшь полезным –
мало ли, что там сгодится,
при переходе в бездну, –
запахи, звуки, лица,
фрактальный узор дрожи
(между лопаток – к темени)...
Всё обернуться может
пылью прошедшего времени.

Пчела мая (из цикла «Флор-элегия»)
2024. Холст на картоне, акрил, ассамбляж. 40 x 40

МИХАИЛУ СВИРИНУ. BOSS

Так вышло: мы ещё живые.
И наши потожировые
на плоскостях и полусферах
тарелок, рюмок и фужеров
ещё не стёрты средством для
мытья посуды и белья.
Здесь всё по-прежнему, не парься.
Здесь дураков ловят на пальцах.
Ты усмехнулся бы, наверно...
А впрочем, пиво в тех тавернах,
где мы бывали, так же кисло.
И это добавляет смысла
в журчанье тонкое клепсидр.
Жизнь – слабоалкогольный сидр,
который льётся мимо, мимо...
И, всё равно, это так мило.
Ты, всё же, не тоскуй Там сильно:
смерть – это жизнь минус тактильность.
Таков философа улов –
набор пустых, банальных слов,
смесь тавтологий и фантазмов.
Смерть – это жизнь вне протоплазмы,
другая взвесь других имён,
других пространств, других времён...
Судьба фотонного луча...
Мы по тебе будем скучать.
И всё ж, бессмысленно лукавить:
теперь ты просто наша память,
попытка выразить во вне
невыразимое вполне...
Ты всё поймёшь и нас простишь,
ты в быстрых снах нас наведишь...

Eye (Око)

2024. Картон, акрил, ассамбляж. 35 x 20

ОСЕНЬ АКАДЕМИКА

«Осень, холодно, грибы.
Читал Лукреция»* ...
Не за тем, чтоб уйти от судьбы, -
но, хотя б от неё согреться.

Зябну. Сырость – в каждую щель,
небо – как над Нижней Тунгуской.
Удивляюсь природе вещей;
по-другому сказать – корпускулам.

Что ж, Лукреций, я мыслю так:
атомисты, в пределе, все – циники;
«эволюция – в книжных шкафах...»*,
и немного совсем – в клинике.

Холод. Стынут мысли и мускулы.
«Состояние уставшей статуи»*...
Глаз слезится. Слеза до угла скулы
доползает едва, хвостатая.

Это Север шлифует оптику
(преломление, аккомодация).
Жизнь, вообще, очень узкий оптимум,
чрезвычайно чуткий к вибрациям

мировых постоянных, скажем:
постоянная Планка, Больцмана,
молярный объем идеального газа...
И с десятков других пропорций.

Сеет дождь... Погода промозглая.
От окна до двери – тень от стула.
И сознание, эта опухоль мозга,
спит. Или делает вид, что уснуло.

Запах осени, кожа дивана,
книжный шкаф, инвентарные ценники...
Нечто вроде буддистской нирваны –
санаторий для академиков.

Осень. Память, как вязкий гель.
Солнце что ли такое, русское.
Или Хронос проделал щель
в президентском номере в «Узкое»...**

* Цитаты из дневника академика С.И. Вавилова

** Санаторий и гостиница Российской академии наук «Узкое»;
сегодня – в черте Москвы

Осень

2024. Картон, акрил, ассамбляж. 60 x 60

1.

Сломанные компьютеры
не попадают в Рай...
Их обесточенные трупы, -
пластмасса, купрум, дюраль,
процессоры, клеммы, шины;
их материнские платы, -
поскольку уже души в них,
так сказать, кот наплакал,
в очереди на Голгофу
железно хранят молчание,
не подчиняясь Кирхгофу...
Списанные, отчаянные.

2.

Это не просто к.з., дружок...
Это, - по-русски сказать, - кирдык!
Это, как если в дверной глазок
глянул, а с той стороны впрыток
к твоему зрачку – чужой зрачок,
нечто, буквально потустороннее...
И у тебя вдруг играет очко,
но это не видно никому постороннему.

3.

Omne ignotum pro magnifico est* –
римляне ведали толк в величественном.
Однажды ты не пройдёшь этот тест
и кто-то вырубит тебе электричество.
Можешь молиться богам, волхвам,
можешь якшаться с тотемным зверём...
Сломанные компьютеры попадают в хлам,
а оттуда, уже прямоком – в сырьё.

* «Всё неизвестное представляется величественным». *Тацит*

Открытый воздух
Плита OSB-3, акрил, ассамбляж. 62,5 x 62,5

ОБ АВТОРАХ

ТОЛСТИКОВ Александр Генрихович

Российский художник и ученый-химик. Действительный член (академик) Российской академии художеств (Отделение живописи), член-корреспондент Российской академии наук (Отделение химии и наук о материалах), доктор химических наук, профессор, член Московского союза художников, член Творческого союза художников России, лауреат Государственной премии РФ в области науки и техники (1992), лауреат Первой премии им. В. Попкова (2009). Награждён медалью Российской академии художеств «За заслуги перед Академией» (2017), Серебряной медалью Российской академии художеств (2018), медалью Российской академии художеств «Достойному» (2022), Почетной грамотой Президента Российской Федерации за заслуги в развитии отечественной науки, многолетнюю плодотворную деятельность и в связи с 300-летием со дня основания Российской академии наук (2024). Произведения Александра Толстикова хранятся в Башкирском государственном художественном музее им. М. В. Нестерова (Уфа), Московском государственном музее «Дом Бурганова» (Москва), Архиве Российской академии наук (Москва), в частных собраниях в России и за рубежом. Живет и работает в г. Москва.

ВАГАНОВ Андрей Геннадьевич

Научный журналист. По образованию «инженер-теплофизик» (Московский энергетический институт). Ответственный редактор приложения «НГ-наука» «Независимой газеты» (Москва). Статьи печатались в журналах: «Электрохимия», «Российский химический журнал», «Вопросы истории естествознания и техники», «Науковедение», «Философские науки», «Химия и жизнь».

Стихи печатались в журнале «Юность», альманахе «Часовые памяти» (2014), в книжном обозрении «НГ ExLibris».

Автор книг: «Технологичная культура» (М., 2008); «Дети Парацельса» (М., 2011); «Спираль жанра: От «народной науки» до развлекательного бизнеса. История и перспективы популяризации науки в России» (М., 2014, 2-е изд. 2021); «Наука – это то, чего не может быть. Сборник интервью ученых» (М., 2016); «Исаак Ньютон и русская наука. Книжная мозаика трех столетий» (М., 2019).

Лауреат премии Союза журналистов России (2001); Лауреат Литературной премии имени Александра Беляева в номинации «За критику в области научно-художественной литературы» (2013); Финалист конкурса Ассоциации британских авторов, пишущих о науке (ABSW) «European Science Writer of the Year 2017», победитель в номинации «Russian Science Writer of the year». Живет и работает в г. Москва.

Москва 2024